

An aerial photograph of a man and a woman walking away from the camera on a sandy beach. They are holding hands and walking towards the ocean. The man is wearing a white t-shirt and dark shorts, and the woman is wearing a white dress. The ocean is a deep blue with white foam from the waves. The sky is not visible, but the overall scene is bright and sunny.

Катрин Фесан

L'ÉTÉ

Катрин Фесан L'ÉTÉ

<https://litres.ru/74090829>

SelfPub; 2026

Аннотация

("Тишина перед нотой содержит всю музыку.")

Это был тот самый август, который снимают в кино, но не показывают в прокате — оставляют для себя, как старую плёнку в жестяной банке. Воздух — плотный и прозрачный одновременно, как дорогой объектив с открытой диафрагмой: всё в фокусе, но главное — между кадров. Солнце не просто светило — оно работало как софит, просачиваясь сквозь кружевную листву платанов и ложась тёплым светом на выбеленные доски веранды, создавая игру теней, которую Тим мог бы разбирать часами.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Катрин Фесан

L'ÉTÉ

Глава 1

L'ÉTÉ

"Le silence, avant la note, contient toute la musique."
("Тишина перед нотой содержит всю музыку.")

Был август, который не запоминают — в нём живут. Он не торопился, не обещал, не требовал — он просто был. Тягучий, как смола на стволах сосен, прозрачный, как первая нота виолончели перед тем, как смычок коснётся струн. Солнце не палило — оно обнимало. Воздух стоял плотный и сладкий, пропитанный запахом прогретой хвои, сухой травы, лаванды и морской соли, которую ветер приносил с горизонта. Казалось, само время здесь решило взять выходной — лечь на тёплые камни, прикрыть глаза и слушать, как цикады ведут свой бесконечный разговор с тишиной.

Вилла стояла на холме, утопая в цветах. Белые гортензии, олеандры, плетистые розы — они карабкались по каменным стенам, переплетались с коваными решётками балконов и

создавали ощущение, что дом не построен, а вырос из этого сада, как продолжение его зелёной воли. Старые платаны у входа бросали кружевные тени на гравийную дорожку, и эти тени дрожали, переливались, рисовали на земле узоры, которые менялись каждую минуту — природа писала свой собственный сценарий, не нуждаясь ни в режиссёре, ни в зрителе. Но зритель был.

Тим сидел на веранде, в плетёном кресле с высокой, чуть откинутой назад спинкой, и чувствовал, как плечи отпускают напряжение, накопленное в городе. Здесь, в этом доме, он снова становился собой — не тем, кого знали в столичных галереях и на показах, а тем, кем был когда-то, когда бегал босиком по мокрой траве после дождя и верил, что лето никогда не кончится. На нём была белая льняная рубашка, растёгнутая почти до груди — тонкая, почти невесомая, дышащая вместе с кожей. Мягкие брюки из той же фактуры, цвета выгоревшего песка, свободно лежали на ногах. Босые ступни касались тёплого дерева веранды — доски, выбеленные солнцем и вымытые дождями, хранили в себе память о каждом лете, которое здесь прошло. На запястье — старые часы, которые носил ещё дед. Тим не носил их в городе. Только здесь. Их стекло было чуть запотевшим от влажности, и Тим поймал себя на мысли, что в этом доме даже время задерживает дыхание.

Из гостиной, через открытые французские двери, доносился Шопен. Ноктюрн до-минор в исполнении Рубинштейна — старая пластинка, которую он нашёл в сундуке матери. Потрескивание винила казалось не помехой, а частью музыки, её душой. Где-то в глубине сада, за оливами, сверкала полоска моря — оно было ровным, синим, почти неподвижным, как огромный кусок лазурита, разогретый солнцем. Стрекот цикад сливался с тихим плеском воды в мраморном фонтане у входа, создавая звуковой ландшафт, в котором не хотелось ничего менять.

На столе, на льняной салфетке ручной работы, стояла тарелка с персиками. Они были тяжёлыми, бархатистыми, с лёгким румянцем на боку — там, где солнце целовало их чуть дольше, чем остальные. Капельки утренней росы ещё не испарились, и на срезе каждого персика блестел свет. Рядом — графин с лимонадом, в котором плавали дольки лайма и веточки мяты, и раскрытый блокнот, исписанный мелким, нервным почерком Тима. Эскизы. Идеи. Наброски того, что не давало ему покоя последние полгода — новой истории, которую он хотел рассказать. Но здесь, в этом доме, слова, казалось, не нуждались в бумаге. Они жили в воздухе, в свете, в запахе цветущих олеандров. И Тим просто сидел, вдыхал и слушал.

Он поймал себя на том, что уже полчаса смотрит на игру

света на стене веранды — как солнце пробивается сквозь виноградные листья, создавая движущиеся картины, которые невозможно зафиксировать, можно только прожить. В этом было что-то гипнотическое, почти медитативное. Тим подумал: а что, если время — это не последовательность событий, а просто слои, которые накладываются друг на друга? Как плёнка в старом проекторе. Мы выбираем, что оставить, что вырезать, а что сделать тишиной между кадрами. Может быть, именно поэтому он вернулся сюда — чтобы найти тот самый кадр, который потерял.

Он отложил блокнот. Захотелось не идей, а прикосновений. Старого, настоящего — того, что помнит тепло рук. Он поднялся на второй этаж, в кабинет с дубовыми панелями. Пол скрипнул под ногой — знакомый, родной звук. Здесь, в этом доме, даже половицы знали его походку. В углу стоял кедровый сундук, окованный потускневшей медью. Тим присел на корточки, провёл рукой по крышке — гладкое, тёплое дерево. Откинул. Пахнуло сухим можжевельником, лавандой и чем-то ещё, что невозможно описать словами — он называл это «запахом памяти».

Руки начали перебирать альбомы. Кожаные переплёты, потёртые уголки, выцветшие страницы. Вот он с отцом на яхте — оба в белых рубашках, ветер в волосах, закат за спиной. Вот выпускной — смех, шампанское, друзья, лица, ко-

которые уже начали стираться из памяти. А вот детский снимок. Тим узнал его сразу — тот самый угол виллы, каменная лестница с коваными перилами, кипарисы у входа. И он сам — маленький, в льняных шортах и матроске. Рядом с ним две девочки. Соседки. Близняшки. Он помнил их так ярко, словно это было вчера, а не двадцать лет назад.

Его пальцы замерли.

Лица девочек на фото исчезли. Просто белые, размытые пятна — гладкие, как если бы их намеренно стёрли кистью, смоченной в скипидаре. Не было ни глаз, ни улыбок, ни волос. Ничего. Только пустота. Аккуратная. Идеальная. Будто так и было задумано. Но фон — лестница, кипарисы, плетистые розы над аркой, — остался кристально чётким, каждая трещинка на камне просматривалась, как в 4К.

Сердце кольнуло неприятным холодком. Тим провёл пальцами по поверхности — гладко. Текстура бумаги не изменилась. Словно этих лиц никогда и не было. Но он помнил их. Одну — с каштановыми кудрями и веснушками на носу. Другую — с тёмными, почти чёрными глазами, которые смотрели на него с вызовом, когда он говорил, что девочки не умеют управлять яхтой.

Он закрыл альбом. Постоял, прислушиваясь к себе. Шо-

пен всё ещё играл внизу. Цикады стрекотали. Солнце заливало комнату. Всё было как всегда. Но что-то изменилось. Тонко. Почти незаметно.

Он спустился в сад. Тени от кипарисов казались длиннее и глубже, чем полчаса назад — они ложились на белый гравий чёрными, почти масляными клиньями. Цветы всё так же благоухали, но в их аромате чувствовалась едва уловимая горечь, которой он раньше не замечал. Тим надел сандалии и вышел за каменную ограду.

На старом пне у дороги сидел мальчик. Лет двенадцати, не больше. Белая рубашка, шорты до колен, парусиновые кеды — безупречно чистые, будто он только что вышел из витрины. Он сидел неподвижно, как статуя, и смотрел на Тима. Глаза мальчика были ярко-голубыми, но в них не было жизни — только пустота, глубокая, как безоблачное небо в пустыне. Ни тепла, ни холода. Просто... пусто.

— Bonjour, — сказал Тим, и голос его прозвучал хрипло, слишком громко в этой тишине. — Ты ведь тот мальчик, что играл здесь с Лили и Розой? Где они сейчас? Я не видел их столько лет.

Мальчик медленно наклонил голову вбок — как птица, изучающая что-то незнакомое. Улыбка расплзлась по его

лицу, но не тронула глаз. Она была слишком идеальной, слишком симметричной, будто нарисованной.

— Pourquoi es-tu revenu, Tim? — спросил он. Голос звучал как шипение старой киноплёнки. — Зачем ты вернулся? Здесь никто не живёт. Уже очень давно.

Тим моргнул. Соседние виллы, которые ещё минуту назад казались обитаемыми, теперь стояли с закрытыми ставнями. Ни света, ни движения. Только густая, неестественная тишина.

— Но я помню вас. Всех, — сказал Тим, чувствуя, как по спине пробегает холод. — Мы каждый день играли здесь. Бегали к морю. Собирали цветы. Твой отец играл на скрипке по вечерам.

Мальчик засмеялся — звонко, серебряно, но в этом смехе не было ни капли радости. Только эхо.

— Il n'y a personne ici, Tim. — Здесь никого нет.

Он спрыгнул с пня и побежал между оливами — его белая рубашка мелькала в зелени, быстро растворяясь в горячем мареве. Тим рванул за ним, но ноги вязли в песке, которого здесь никогда не было.

Он упал на колени, поднял голову — и замер.

Вилла стояла белая, красивая, утопающая в цветах. Но с балкона свисали не глицинии — чёрные пряди паутины, а ставни были плотно закрыты, хотя он сам открыл их сегодня утром. В руке всё ещё была та фотография.

Тим поднёс её к глазам.

Лица девочек проявились — чётко, ярко, неестественно. Но они смотрели в объектив с одинаковым, пустым выражением: глаза широко открыты, рты плотно сжаты. Без улыбок. Без жизни.

Солнце погасло. Не зашло за тучу, не село за горизонт — просто перестало светить. Осталось висеть в небе белым выцветшим кругом, не давая тепла, не давая тени, оставляя только обесцвеченный силуэт мира.

И в этой тишине он услышал скрипку. Одну ноту, застывшую в воздухе, которая не заканчивалась.

На его запястье сидела чёрная бабочка. Бархатная, с синим отливом, с узором, как череп на крыльях. Она не улетала. Она раскрывала и закрывала крылья в такт той ноте. И

Тим вспомнил голос матери:

«Elles portent les âmes. Elles ne volent pas, elles attendent».

Они носят души. Они не летают. Они ждут.

Он хотел крикнуть — но вырвалась только та нота. Та самая. Бесконечная.

Рывок.

Тим сидит в плетёном кресле. На столе — персики, лимонад, блокнот. Цикады стрекочут. Шопен играет. Всё хорошо.

Но на запястье — след. Идеальный. Как татуировка. Чёрная бабочка.

Он берёт персик, откусывает — пустота.

Где-то за оградой смеётся мальчик. Смех как треск плёнки.

В углу веранды — новая фотография. Тим один у закрытой виллы. Улыбается пустым ртом. Глаза закрыты.

На обороте — почерк матери:

«Écoute». Но на запястье — след. Идеальный. Как татуировка. Чёрная бабочка.

Он берёт персик, откусывает — пустота.

Где-то за оградой смеётся мальчик. Смех как треск плёнки.

В углу веранды — новая фотография. Тим один у закрытой виллы. Улыбается пустым ртом. Глаза закрыты.

На обороте — почерк матери:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.